

18+

автобиография

ШЭРОН СТОУН

красота жизни,
прожитой дважды

Шэрон Стоун
Автобиография Шэрон
Стоун. Красота жизни,
прожитой дважды
Серия «Легенда! Актеры,
изменившие кинематограф»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69243844

Автобиография Шэрон Стоун. Красота жизни, прожитой дважды:

Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-187284-7

Аннотация

«Я не актриса, я проект Голливуда», – эти слова Шэрон Стоун как нельзя лучше описывают ее жизненный путь.

В своих откровенных мемуарах она рассказывает, через что приходилось проходить женщинам ее поколения на пути к успеху в кино. Домогательства и оценивание женщины как товар не прекращалось даже после успешных ролей: даже будучи уже звездой «Основного инстинкта», Шэрон приходилось терпеть бессмысленные требования режиссера «посидеть у него на коленках», пока он читает сценарий, а студия на все закрывала глаза. Прибавьте к этому все личные перипетии: насилие в

семье, отец, поднимающий руку на дочерей, тяжелая болезнь, настигнувшая актрису на пике карьеры, и три выкидыша подряд, – и вы увидите, сколь драматична может быть жизнь даже красоток с глянцевых обложек.

История Шэрон Стоун близка и понятна каждой женщине, которой пришлось бороться за право быть счастливой. Это история силы и стойкости, вопреки всему.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Смерть мне к лицу	6
Что такое дом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Шэрон Стоун

Автобиография Шэрон Стоун. Красота жизни, прожитой дважды

© Анна Иевлева, перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Моей маме

Коль ради Смерти я не сбавил шаг,
Возле меня она остановилась —
Сама любезность. Придержав повозку для нас
И вечности.
Неспешен путь наш был – ей суета
Неведома. И прочь тогда отбросил
Я труд и праздность бытия ради ее
Учтивости¹.

*Эмили Дикинсон. «Коль ради Смерти я не сбавил шаг»(Because
I could not stop for Death)*

¹ Перевод А. Иевлевой.

Смерть мне к лицу

Я открыла глаза – и увидела незнакомца. Он склонился надо мной, и лицо его было всего в нескольких дюймах от моего. Он смотрел на меня с такой добротой, что я готова была умереть. Гладил меня по голове, по волосам. Господи, какой он был красивый. Хотела бы я, чтобы на его месте оказался кто-то, кто меня любит, а не кто-то, кто говорит: «У вас инсульт».

Он нежно касался моих волос, а я просто лежала и понимала, что в той комнате не было ни одного человека, которому я была бы дорога. Я это нутром чуяла – не нужно никакого инсульта, чтобы понять, какую нелепую оплеуху отвесила мне жизнь, понять, что отныне я лишусь подвижности.

Конец сентября 2001 года. Я в реанимации Калифорнийского тихоокеанского медицинского центра.

Я спросила красавчика-врача: «А речь у меня тоже пропадет?» Вполне возможно, ответил он. Я потребовала телефон. Надо было позвонить маме и сестре. Надо было, чтобы они слышали обо всем от меня, пока я еще могу говорить. Врач сжал мою руку, и я поняла, что он делает все, чтобы окружить меня той особой любовью, которую в такие моменты излучают люди, познавшие свое призвание. Я многому у него научилась.

Сначала я позвонила своей сестре Келли. Она повела се-

бя как всегда – как самый чудесный человек из всех, кого я знаю. К другим она добрее, чем к себе, она даже наивна в своей мягкости. Потом я позвонила маме, и этот разговор дался мне гораздо труднее, поскольку я даже не знала, питает ли она ко мне хоть какую-то симпатию. И вот я позвонила ей – на пороге смерти и совершенно не уверенная в себе. Она жила на вершине горы в Пенсильвании и в тот момент работала в саду перед домом. Она разрыдалась.

Стоит уточнить важный момент: Дот может разрыдаться даже над рекламой, идущей по радио, так что надо было просто подождать – я знала, что мама сейчас соберется. Несмотря на разделявшее нас расстояние, они с папой приехали в течение суток. Она влетела в больницу – как была, в шортах, запачканная, с черноземом под ногтями и с ужасом на лице. Одного взгляда на нее хватило, чтобы годы неуверенности и недоговоренностей улетучились. Я лежала, зная, что могу умереть в любой момент, а она гладила меня по лицу пыльной рукой, и внезапно я почувствовала, что мама любит меня. И ощущение это становилось все реальнее с каждым мгновением.

Отец стоял позади, напоминая быка, готового броситься в бой.

Я позвонила своей лучшей подруге Мими, с которой мы дружили больше двадцати лет, и сказала то же, что мы говорили друг другу всякий раз, когда случалось что-то особенно хорошее или плохое: «Тебе стоит присесть». Слышно было,

как она резко вздохнула. «Я могу умереть, – с места в карьер начала я. – И ты единственная, кому я могу сказать правду, потому что кто-то должен будет обо всех позаботиться, и это точно буду не я. У меня инсульт. Никто не знает почему».

«Вот дерьмо!» – воскликнула она.

«Здесь очень симпатичный доктор, – поделилась я. – А я с ним даже пофлиртовать не могу».

Я лежала, зная, что могу умереть в любой момент, а она гладила меня по лицу пыльной рукой, и внезапно я почувствовала, что мама любит меня.

Она старалась не плакать и только прошептала: «Дорогая моя, я прилечу следующим же самолетом». И я знала, что она прилетит.

А потом снова наступила тишина. Звуки эхом отлетали от плитки на полу реанимации и разбивали мое сердце на кусочки. Помню это странное состояние, когда ты одновременно напуган и поражен тем, что никто не бежит вокруг и не кричит «скорее, скорее!», как это показывают по телевизору. На удивление никто никуда не торопился, не было никакой суеты. Врач – да, тот самый – сказал, что скоро приедет машина и отвезет меня в другую больницу, Моффитт-Лонг, где хорошее неврологическое отделение, и что там обо мне позаботятся наилучшим образом.

Господи, мне стало совсем плохо. Иногда формулировка «позаботятся наилучшим образом» только расстраивает.

Это же не места в первом ряду на игре «Лейкерс»² и не столик у окна в любимом ресторане. Привилегии. Слава. Дерьмо.

Вот тогда-то я неожиданно почувствовала, что все вокруг так странно двигается, будто я просматриваю пленку с фильмом о моей жизни в обратной перемотке. Быстрой перемотке. Сначала мне показалось, что я падаю, а потом – будто что-то завладело мной, телом и душой, будто какая-то колоссальная сила, сверкающая, одухотворяющая, словно белая пелена, вытащила меня из моего тела и перебросила в тело кого-то другого – знакомого, прекрасного и... всезнающего?

Свет был таким ярким. Таким... загадочным. Я хотела познать его. Хотела раствориться в нем. Я видела лица, и они не были чужими. Она были идеальны. Многих из тех, кто мне явился, я любила до конца их жизни. Самые близкие друзья – Кэролайн, Тони Дюкетт, Мануэль. Я так скучала по ним. Комната, где я находилась, вдруг показалась холодной. А они были теплыми, счастливыми и так рады были меня видеть. Пусть они не сказали ни слова, я прекрасно поняла их: они говорили о том, почему всем нам хорошо и спокойно, почему ничего не надо бояться – нас окружает любовь. Ведь на самом деле мы *и есть* любовь.

И вдруг меня в грудь словно осел лягнул. Боль была такой

² «Лос-Анджелес Лейкерс» – американский профессиональный баскетбольный клуб из Лос-Анджелеса. – *Здесь и далее прим. пер.*

резкой и оглушительной, что я пришла в себя и снова оказалась в реанимации. Я сделала выбор. Я задыхалась – знаете, как бывает, когда слишком долго пробудешь под водой. Я села. Свет ослеплял. Я видела только красавчика-врача. Он стоял чуть поодаль и наблюдал за мной.

Мне отчаянно надо было пописать, но, как только я попыталась слезть с каталки, оказалось, что накачали меня до состояния Алисы в Стране чудес, разве что попала я в страну белых стен и нержавеющей стали.

– Что вам нужно? – спросил врач.

– Уборная.

– Сюда.

Я соскользнула вниз, на прохладную плитку, и словно по воздуху добралась до туалета, где долго-долго справляла нужду, а потом поплелась обратно. Врач подхватил меня как пушинку.

Последние несколько лет, в конце девяностых, я постоянно гналась за любовью, которой у меня не было. За любовь, которая, как мне казалось, мне принадлежала, хотя на самом деле это было не так. Погоня моя была буквальной – я уехала из Голливуда и перебралась в Северную Калифорнию. Погоня моя была фигуральной и духовной – я постоянно пыталась стать чем-то большим, тем, что позволит мне понять, как же научиться лучше ориентироваться в этой жизни, в любви и лучше любить. Я наблюдала за своей жизнью, и вдруг она закончилась – прямо у меня на глазах.

В один прекрасный день я получила ответы на все свои вопросы. Никакой дымки, никакого тумана или притворства: все мои усилия были напрасны. Факт оставался фактом: меня не любили, не хотели, от меня почти ничего не осталось.

Я была так захвачена прекрасным и благородным желанием стать чем-то большим, тем, чем никогда не была прежде, тем, что мне казалось более реальным, но все же потерпела неудачу. Я делала все, что могла, но все было не так, все мои поступки оказались неправильными. В ту пору я считала, что если продолжу поступать «правильно», «одухотворенно», то мне откроются истины, которые я так мечтала познать. Ничего подобного не случилось. Я просто сделала неверный выбор. Мне не хватило знаний. Не хватило мудрости. Я потеряла саму себя, пытаясь стать чем-то «большим». Мне казалось, что я недостаточно старательна. И не могла избавиться от этой мысли.

Разумеется, я не знала, что мой выбор неверен, что можно было просто уйти, я просто хотела быть хорошей, верной своим обещаниям. Мне казалось, что, даже совершая ошибки, я бы все преодолела, во всем разобралась.

Вплоть до этого самого момента каждый раз, когда я тянулась слишком высоко, хотела слишком многого, я принимала тот факт, что вообще-то не следует метить так высоко, заключала сделки с собственной совестью, чтобы понять, почему же я стольким пожертвовала, а получила так мало. Я была женщиной, добившейся успеха, и мало кто ценил ме-

ня как личность, ценил за то, что я сделала, во что превратила себя. А потому было очень просто от всего отказаться. В конце концов, кто я такая-то? Актриса? Филантроп? Я вообще хоть что-то значу? Верно ли меня оценили? Неужели мужчина, добившийся того же, что и я, стоил бы большего?

Я выросла в семье, где родители любят друг друга слишком сильно, чтобы интересоваться собственными детьми. Мы могли прийти домой и обнаружить, что они обнимаются на диване. Я росла с родителями, которые, прожив пятьдесят лет в браке, по-прежнему танцевали в саду, как будто кроме них вокруг никого не было. Я не подозревала, что существуют люди, которые не любят своих супругов. Я считала, что разведенным людям было очень сложно принять такое решение. Я чувствовала себя в зыбучих песках, я утрачивала всякие ориентиры. И вот что я вам скажу: когда мне не удалось преуспеть в том, ради чего я все бросила, в том, чему была свидетелем, пока росла, в той истинной любви, которая значит больше, чем что бы то ни было, – от меня уже ничего не осталось, а поиск *себя* казался невозможным.

Под тяжестью этого нового понимания жизни я бродила по дому. Дошла до комнаты с телевизором, обогнула диваны, встала у окна. Меня так и тянуло посмотреть на сад, где под молодыми саженцами магнолии (той, что цветет, но не пахнет) я похоронила снимки с УЗИ – единственные фотографии моих неродившихся детей. Магнолия, судя по всему, прекрасно прижилась. И вдруг откуда ни возьмись – молния.

Ее будто Зевс метнул с неба; она прошла правую сторону моей головы до самого затылка. Меня отбросило на диван, я врезалась в кофейный столик. Телефон, таблетки, ручки, бумажки, пульты управления, подушки, сами диваны – все посыпалось, полетело в разные стороны, а я грохнулась на пол.

Кажется, я очень долго лежала не шевелясь. Воспоминания пожирали меня, а время замерло. Поразительно, как можно осознать, сколько ворсинок в ковре, как мало ярких цветов в комнате, как можно испытать благодарность за собственное одиночество. Кажется, я там и заснула, а может, потеряла сознание.

К счастью, в ту пору я наняла в Сан-Франциско трех молодых нянь (ирландок по происхождению), которые поочередно приходили помочь мне с Роаном – тогда я только усыновила его, и он был совсем крохой. Хотя я и была вне себя от радости, что наконец-то стала родителем, к тому моменту на моем счету уже было три беременности, прервавшиеся на шестом месяце, да и для молодой мамочки я была старовата. Мне было за сорок, и я определенно ничего не знала о воспитании детей.

Неужели мужчина, добившийся того же, что и я, стоил бы большего?

Следующие несколько дней я провела в каком-то забытьи. В один прекрасный момент я даже села в машину и попыталась самостоятельно доехать до больницы. У меня бы-

ло очень смутное представление о том, где я нахожусь, и в какой-то момент я обнаружила, что остановилась у знака «Стоп!», правая стопа полностью онемела, и вся нога тоже начала неметь. Я посмотрела на деревья, послушала, что говорят по радио, и подумала: да у меня, наверное, сибирская язва. И я заревела, потому что всего две недели назад случилось одиннадцатое сентября. К счастью, кто-то припарковался рядом, помог мне добраться до дома и проводил прямо до порога. Я села за обеденный стол и сказала няне, что у меня ужасно болит голова. Она дала мне аспирин и, возможно, тем самым спасла мне жизнь.

На следующее утро у меня начала падать температура. Я взяла плед, вышла во двор и попыталась устроиться на солнышке. Но так и не смогла согреться. Тогда я поднялась наверх и легла в ванной на пол – он был с подогревом. Зазвенел телефон; через меня кто-то переступил. Я держалась руками за воздух над головой (мне казалось, что болит именно там), разговаривала сама с собой, плакала и стонала.

К счастью, телефон стоял на громкой связи – звонила Ми-ми. Я хотела прокричать, но вместо этого просипела: «Ми-ми, помоги мне».

Она настаивала, чтобы мне вызвали скорую.

Вместо этого позвонили моему гинекологу. Думаю, очень часто люди списывают все женские проблемы на одну и ту же причину: женские дела.

Гинеколог послушала мои стоны и велела померять дав-

ление, не вешая трубку. У меня были и тонометр, и дефибриллятор, поскольку все в моем доме, включая персонал и детей, регулярно тренируются делать искусственное дыхание и оказывать первую помощь. Давление у меня было высокое, оба показателя хорошо за сотню. Врач сказал, что есть всего несколько минут, чтобы отвезти меня в больницу (вниз по улице), и ясно дала понять, что будет встречать нас. Именно она наблюдала меня после всех выкидышей и знала, насколько деликатна моя ситуация.

Меня запихали в машину (ноги уже не слушались). Я сидела на переднем сиденье, прислонившись к двери. Когда мы добрались до Калифорнийского тихоокеанского медицинского центра, грузный санитар открыл дверь, и я вывалилась вверх тормашками задом наперед прямо в его сильные объятия. И отключилась. Я успела. Можно было расслабиться. Каким-то образом я держалась до тех пор, пока не оказалась в безопасности.

Меня быстренько погрузили на каталку, а потом сразу повезли на компьютерную томографию, и шум от аппарата казался таким громким, что голова просто раскалывалась изнутри.

Когда я в первый раз пришла в себя, красавчик-доктор сказал, что прибыла скорая, которая перевезет меня в другую больницу. «У них там есть все, что вам нужно», – заверял он с ободряющей улыбкой. Двое молодых ребят подняли меня и переложили на другую каталку. Я снова отключи-

лась. Колесо каталки врезалось в нижнюю часть автомобиля скорой помощи, и рывок вырвал меня из забытья. Я открыла глаза и чуть не ослепла от ярких солнечных лучей. Рядом со мной в ореоле белого света стоял парамедик. Честно говоря, я даже не была уверена, жива я или умерла. И снова отключилась.

Очнулась уже в неврологическом отделении интенсивной терапии Моффитт-Лонг. Палат там не было, только центральный блок, где сидели медсестры и стояли кровати разного размера – для пациентов разного веса, отгороженные шторками. Там было столько приборов и трубок, будто в фильме Фрица Ланга³. Я до сих пор слышу их звуки, вижу огоньки – они не дают мне покоя. Они переплелись с воспоминаниями о висящих под потолком телеэкранах, на которых снова и снова транслировались кадры того, как самолеты врезаются в башни-близнецы и Пентагон. Все это стало частью меня.

Честно говоря, я даже не была уверена, жива я или умерла.

На следующий день, когда я пришла в себя, молодой санитар вез меня на каталке по коридору. Я спросила куда.
– В операционную.

³ Немецкий режиссер (1890–1976), один из ярких представителей экспрессионизма. Для его картин характерно субъективное видение мира: намеренное искажение реальности, изображение хаоса, акцент на внутреннем болезненном состоянии человека.

– Зачем? – я начала еще больше паниковать. Паника становилась моим состоянием по умолчанию.

– Вам проведут диагностическую операцию на головном мозге.

– Но об этом даже речи не было.

– Конечно, но все бумаги уже подписаны – все нормально.

Я попросила его на секунду остановиться; мне надо было переварить эту информацию. Однако он заявил, что у нас нет времени, что мы опоздаем и меня не примут. Я не могла его остановить и не могла позвать врача на помощь. Так что я сделала то, что могла: собралась и встала прямо на движущейся каталке. На это ушли все остатки физических сил и силы воли.

Отовсюду сбежались медсестры и прочий больничный персонал. «Она не хочет в операционную!» – объявил санитар. Одна из медсестер спросила меня почему, и я объяснила, что меня записали на диагностическую операцию на головном мозге, не проинформировав и не получив моего согласия, даже не обсудив, что это такое, чем это может для меня обернуться. Медсестра побежала за врачом.

Врач в развевающемся на бегу халате велел мне лечь и делать что говорят. Отличное приветствие, скажу я вам. Он заявил всем, что кто-то уже подписал бумаги и мы опаздываем. Гордо продемонстрировал всем факс от журнала People⁴, сказал, что поговорил с редакцией, сообщил о случившемся

⁴ Американский еженедельный журнал о знаменитостях, издается с 1974 г.

и теперь точно знает, что делать (выяснилось, что он сообщил им неверный диагноз, который они поспешили опубликовать). Он держал факс как талисман, как будто от того, что вся эта ерунда была напечатана на бумаге, она становилась правдой. Кстати, правды в этом не было ни капли. Господи, если бы он был прав.

Я взглянула на медсестру, которая тарасилась на меня с таким же выражением абсолютного неверия, мол, *этот врач – поразительный козел*. Я осознавала, что вокруг творился настоящий бардак и мне надо было немедленно исправить ситуацию (независимо от того, есть у меня кровоизлияние или нет).

Сдаваться я не собиралась. По-прежнему стоя на каталке с голой задницей в разрезе больничной сорочки, я повернулась к врачу и заявила: «Вы уволены».

Он взвился: «Что? Вы не можете меня уволить!» И тут вмешалась медсестра: «Доктор, боюсь, она уже это сделала» – и приказала санитару отвезти меня обратно в палату.

Эта сообразительная женщина спасла мне жизнь, симпатичная блондинка за пятьдесят. Позже я осознала, что сама стану примерно такой же, ведь у нее хватило мужества проявить смелость и поступить по совести. Она выполняла свою работу, осознавая свои полномочия, зная, что решение принимать ей, и стояла на своем со всевозможным достоинством.

К этому моменту в неврологическое отделение ворвалась

вся моя семья: мама, папа, сестра и мои братья – Майк и Патрик. Они были шокированы и сбиты с толку, поскольку им сказали, что я «спала, так что беспокоить не стоит». О том, что меня записали на диагностическую операцию на головном мозге, ни с кем не проконсультировавшись, им не сообщили.

В палате начался хаос. Вспыльчивый характер уже никто не контролировал. Уволенный врач по-прежнему сжимал в руках факс из журнала People. Мой старший брат Майк жаждал драки. Келли, которая сама была медсестрой, требовала медицинских фактов. Мои друзья, которые, приехав, решили взять на себя роль стражи, охраняли палату от тех, кому в ней находиться не следовало, и впускали тех, кому надо было войти.

Среди них была моя подруга Донна Чавус. Нам с Чавус довелось пережить массу чертовски интересных приключений, включая день, когда я стала знаменитой. Мы были в кино, а когда вышли, оказалось, что перед кинотеатром собралась толпа народу и никто не уходил. До нас долго доходило, что они смотрят на нас. Чавус прошептала мне: «Беги», и мы побежали. Бежали мы как воры среди ночи, и да, толпа неслась за нами. Мы все бежали и бежали по улицам, мимо потока машин, в итоге влетели в ресторан, напрямую в кухню, и забились под разделочный стол шеф-повара. Владелец, заперший за нами дверь, склонился и спросил, чем может быть нам полезен. Чавус заказала текилу, я – марти-

ни. Владелец ресторана куда лучше нас понимал, что происходит, а потому спросил, где мы оставили машину, и отправил за ней официанта, помог нам выбраться среди всей этой шумихи и добраться домой. Мы с Чавус были партнерами по боевым искусствам и вечно наперегонки неслись на занятия, параллельно разговаривая по громкой связи, опаздывая в додзе⁵ и отжимаясь на кулаках, чтобы нам позволили войти. Да, мы были удачливыми и веселились вовсю. Мы всегда заботились друг о друге.

Теперь она не отходила от меня ни днем ни ночью, спала в больничном кресле у окна. На всякий случай.

Моя мама была уверена, что никто не посмеет, как она выразилась, «тронуть ее ребенка». Ее все это выбило из колеи. Все «зашло слишком далеко, черт возьми». Ей было страшно. Страшно настолько, что она не двигалась, страшно настолько, что не осталось сил на ярость, на юмор, на слова. Так что она просто сидела за шторкой. И все. С сумочкой на коленях. Поджав губы – яростная, неподвижная, сильная, нервная. Она охраняла это место, и никто, *вообще никто* не смог бы добраться до меня без моего согласия.

Я попросила того суетливого врача объяснить мне, как производится предполагаемая операция на мозге. Он обиделся до глубины души. Снова помахал своим факсом – в который раз за пятнадцать минут. Он считал, что у нас нет на

⁵ Место, где проходят тренировки, соревнования и аттестации в японских боевых искусствах.

это времени, полагал, что мне и знать не надо. А вот я считала, что очень даже надо. По-моему, я заслуживала знать, как может повлиять на меня операция на мозге. Представьте себе.

«Вот вы обреете мне голову и срежете верхний слой кожи. Вы его просто откинете или совсем удалите? А кость, вы ее вынете? И куда поместите? В нашей стране случаются землетрясения; она пойдет на поднос или в стерильный контейнер? А что потом? Насколько большой кусок моей головы вы удалите? Вы будете резать сквозь нервы?» Я всегда была педантом, когда дело доходит до вопросов. Расспрашивала я медленно, вдумчиво и с той долей паники, которая показала мне вполне логичной. Врач был нетерпелив, раздражителен и считал мои вопросы банальными, пустой тратой времени. Я была уверена, что стоило потратить десять минут, чтобы узнать, где будет находиться мой мозг в процессе этой операции и после нее. Он же думал, что я придираюсь. Я поняла, что совершенно правильно его уволила.

Моя мама была уверена, что никто не посмеет, как она выразилась, «тронуть ее ребенка». Ее все это выбило из колеи.

Затем ко мне направили группу врачей, команду исследователей из неврологического отделения, которые рассказали мне обо всех доступных вариантах. Они спокойно объяснили, что есть еще один нейрохирург, но сегодня его нет на месте. Я спросила, можно ли поговорить с ним по телефону.

Мне позволили. Руководитель группы, доктор Майкл Лоутон, объяснил, что, если ждать конкретно этого нейрохирурга, придется отложить операцию еще на день, поскольку тому придется прилететь в город. Я попыталась уточнить свои шансы. Что может случиться? Сколько еще крови поступит в мой мозг за эти двадцать четыре часа? Какой ущерб это может нанести? Я умру или просто потеряю некоторую чувствительность? Если так, то какую? Можно ли будет ее восстановить? Об этих нюансах так мало известно, что даже в лучшие времена сложно получить четкий ответ – даже если у вас нет кровоизлияния в мозг, даже если вы не напуганы. Я решила дождаться этого доктора.

На следующее утро этот бриллиант нейрохирургии вошел в мою жизнь. Он поговорил со мной и моей семьей о сравнительно новом методе, когда камера погружается в бедренную артерию в верхней части ноги и в передней части таза. Камера эта проходит через все тело вверх до самой головы и показывает, что к чему.

Этот вариант казался настолько приятнее, чем половина головы на подносе, что его мы и выбрали. Вот только причину кровоизлияния так и не нашли.

Незадолго до этого фиаско я пережила еще одно. Я была на осмотре груди, после которого мне позвонил врач и сказал, что ему надо приехать ко мне домой – поговорить.

Подобные фразы никогда не предвещают ничего хорошего. Целый день я ждала новой катастрофы. Разумеется, он

сказал, что обнаружил опухоль, причем большую, которая может оказаться злокачественной и прорваться наружу и за которой они будут наблюдать, пока я решу, сколько еще от меня можно отрезать. Я ответила спокойно (я же готовилась к этому моменту весь день!): «Ну, раз это рак, отрежьте обе груди». За эту фразу я должна была получить «Оскар».

Врач ответил: «Будь у меня больше таких пациенток, как вы, больше женщин остались бы в живых».

К счастью, та опухоль хоть и была гигантской, больше, чем моя грудь, оказалась доброкачественной. К несчастью, у меня нашли по опухоли в каждой груди, что потребовало серьезного хирургического вмешательства и кое-каких структурных изменений.

И вот я приходила в себя, лежать на боку стало уже не так больно. Никто, включая меня, и не подумал упомянуть об этом случае перед предстоящей процедурой, да и полное обследование я тоже не проходила. Оказалось, что, когда я лежу в этом положении, кровь собирается в одной части головы. Врачей это приводило в недоумение, поскольку они не понимали, что является источником кровоизлияния.

Сошлись на том, что, возможно, дело в небольшой аневризме – сначала она прорвалась, а потом кровь загустела. Именно это, кстати, тот козел, которого я уволила, рассказал прессе. Боль по-прежнему была настолько дикой, что я лежала под капельницей с «дилаудидом» 24/7, а это своего рода синтетический героин. Я то приходила в сознание, то снова

проваливалась в небытие. Не знаю, спала я, была на наркотиках или в коме, но я слышала песню Bridge Over Troubled Water⁶ и будто проваливалась сквозь толщу цветной ткани. Порой я видела фрагменты фильма «Новый кинотеатр “Парадизо”»⁷, а иногда слышала голос женщины, с которой работала в Голливуде, – журналистки по имени Пэт Кингсли, которая разговаривала со мной таким добрым голосом, словно пыталась успокоить.

Шел пятый день, я то приходила в сознание, то отключалась снова. Большую часть времени я «спала». С момента первого приступа я даже ни разу не поела. Каждый раз, просыпаясь, я видела подвешенный под потолком телевизор, от которого рябило в глазах, – там постоянно вещали об упавших самолетах и предупреждали о терактах – помните, в каких красках все это было? Неоднократно я задумывалась, реально ли все происходящее или я просто сплю и вижу очередной кошмар. Меня окружали страдания. Я по-прежнему находилась в отделении интенсивной терапии, а там каждый боролся за свою жизнь. Кровати стояли кругом, и со всех сторон от меня плакали, стонали, хныкали, молились и кричали люди.

Еще через пару дней я перестала вставать, четко мыслить или действовать. Если верить весам, на которых стояла

⁶ Композиция фолк-рок-дуэта Simon & Garfunkel, альбом 1970 года.

⁷ Оскароносный фильм Джузеппе Торнаторы о золотых днях итальянского кинематографа, 1988.

моя кровать, я потеряла восемнадцать процентов массы тела. Тем не менее, думаю, кое-кто из персонала считал, что я прикидываюсь. Я же актриса и все такое – слушайте, я знаю, у меня такая профессия. Некоторые думают, что, раз ты играешь в кино, ты играешь и в повседневной жизни. Они забывают, что на съемках ты работаешь по сценарию, написанному другими, и несколько раз повторяешь одно и то же, прежде чем прозвучит «снято!». Но я была слишком измотана и дезориентирована, чтобы даже попытаться это объяснить. Я все хуже видела и слышала. Однако общее заключение было следующим: мне надо ехать домой и прекратить симулировать.

Еще через пару дней я перестала вставать, четко мыслить или действовать.

Одна из медсестер приходила искупать меня и вымыть мне волосы. Это проявление доброты было для меня невероятно важным, поскольку ко мне совершенно перестали подходить. Исключение составляла моя подруга Стефани Плит, которая садилась, держала меня за руку, касалась моего лица. Каким-то образом она просто знала, что мне нужны эти прикосновения. Думаю, остальные попросту считали меня слишком хрупкой.

И вот тут наступил самый странный момент. Не уверена, стоит ли рассказывать об этом, но я хочу, чтобы вы доверяли себе и своим инстинктам, какую бы форму они ни принимали. Так вот.

Однажды ночью я проснулась, а в ногах моей кровати стояла моя бабушка Лиля. Знаю, звучит это совершенно нормально, за исключением того, что бабушка была уже тридцать лет как мертва. Выглядела она великолепно. И пахло от нее великолепно: она всегда пользовалась туалетной водой Shalimar от Guerlain. Бабуля была при параде – на ней был ее любимый костюм и шляпка.

Она сказала: «Не знаем, что именно с тобой не так – мы работаем над этим. Но что бы там ни было, не двигай шеей». И исчезла.

Я схватила плюшевого мишку, принесенного папой, подползла к краю кровати, сунула мишку под шею и НЕ ДВИГАЛАСЬ. Я себя обездвигила. На бок я так и не перекатилась.

Мими пришла в больницу, потому что думала, что меня отпустят. До этого она управляла моим хозяйством, приглядывала за сыном и за остальными домочадцами. Я прошептала: «Мими, я умираю! Заставь их хоть что-нибудь сделать! Я умираю! Помоги мне, пожалуйста!»

Она посмотрела на меня, я понимала, что прошу многого. Она гораздо стеснительнее меня, а ведь я довольно скромный человек, когда не изображаю из себя «ту самую Шэрон Стоун». Но Мими знала, что я не шучу. Она поговорила со всеми: с моей семьей, с друзьями и врачами. По ее словам, на сестринском посту она «разыграла представление не хуже

Ширли Маклейн»⁸, после чего врачи наконец-то согласились провести еще одну ангиограмму. Мне снова должны были вставить камеру в бедренную артерию, но на сей раз с другой стороны. Она должна была пройти по всей длине туловища и снова оценить состояние мозга.

Мне сказали, что процедура займет от тридцати до сорока пяти минут. В глазах персонала все выглядело так, будто они пытались найти способ вытурить звездную чудачку из больницы. Вот только, запустив камеру, они обнаружили, что моя позвоночная артерия, которая соединяет голову со спиной и позвоночником, была разодрана в мелкие клочья, а кровь поступала в позвоночник, в голову, в мозг. Я уже перенесла серьезный удар. И вот к чему мы пришли на девятый день инсульта.

Разбудить меня для консультации не было никакой возможности. Все зашло слишком далеко. Моей семье пришлось принять несколько непростых решений. Они столкнулись с необходимостью сделать непостижимый с медицинской и этической точки зрения выбор, причем им заранее сказали, что любое принятое решение потенциально может убить меня. Артерия может в любой момент окончательно порваться, и я умру. Или она может порваться, и кровь свернется. Они могут поместить сгустки на место артерии и, вероятно, спасут мою жизнь, если меня не убьет сам процесс. И все это время в мой мозг, в позвоночник, челюстно-лице-

⁸ Оскароносная американская актриса.

вую область поступала кровь, причем с каждой секундой все быстрее. При любом раскладе шанс выжить для меня составлял один процент.

Они проделали великолепную работу. Они держались вместе, как и всегда в действительно важных ситуациях. Еще давным-давно папа учил нас: «Семья подобна руке: если отрезать один палец, кровоточить будет вся рука». Нам очень пригодилась эта мудрость. Через девять часов меня вывезли из операционной – без позвоночной артерии и с двадцатью тремя платиновыми спиралями на ее месте.

Я очнулась в палате, зная, что бабушка спасла мне жизнь. Она словно обняла всю нашу семью и меня тоже и провела нас через этот кошмар. Мама, как львица, не входя в операционную, мысленно держала меня за руку, гладила мое лицо; сестра держала в руках мое сердце и принимала от моего лица трудные решения, а папа охранял каждый угол и заботился обо всех, как может позаботиться только отец. Мими преодолела свою застенчивость и показала себя наилучшим образом. Невероятная любовь и стойкость моих близких, надежных, словно камни, удержала меня на земле.

Оказавшись в первой реанимации, в лучах белого света, я видела столько людей, покинувших этот мир. Они рассказали мне, как все будет. Я чувствовала себя защищенной, чувствовала такой невероятный покой, и все же меня тянуло назад – в эту жизнь, в этот мир. Он неоднозначен и жесток, и все же я знаю, что мы не одиноки, не разобщены. Люди

покидают этот мир, но их любовь остается с нами. Мы и есть любовь.

Те, с кем и ради кого я осталась, стали моим величайшим жизненным уроком, моими главными учителями и проводниками. И с некоторыми из них у нас непростые отношения. Те, ради кого я выжила, наполняют мир любовью и светом. Вы – моя причина жить. Те, кто пришел с тех пор в мою жизнь благодаря похожим историям, те, кто встретился мне на разных этапах этого пути, – все вы озаряете мой мир. Я так тосковала, что мне не хватает любви, а оказалось, она и так была. Просто не в том виде, в котором я ее представляла, не в виде сказки, рассказанной многим из нас сотни миллионов раз, сказки, из-за которой нам кажется, что по сравнению с ней все совершенное нами меркнет.

Я обрела любовь куда более могучую – настоящую, истинную. И это была вовсе не сказка. Это была реальная жизнь.

Что такое дом

Когда нас с Келли спрашивают, где мы выросли, мы отшучиваемся. Говорим, что где-то между Питолом⁹ и Тайди-аутом¹⁰, что, вообще-то, правда. Однако теперь, задумываясь над этим вопросом, я бы сказала, что выросли мы где-то между наивностью и надеждой. Если же говорить более буквально, родом мы были из одного из первых домов за городской чертой Мидвилла¹¹.

Это был бандитский городок. Нет, у нас были бары и церкви, фабрика по производству застежек-молний и железная дорога Эри Лакаванна. Но в конце концов, это был портовый городок, один из тех, где проституток, героин и все дурное могли просто выбросить за борт и никто бы не вспомнил об этом. Разумеется, у нас был Allegheny College – крутая школа, которую не мог позволить себе никто из местных. Она была для тех, кто жил за городом. Для людей поважнее нас. Сама я ходила в школу в Сагертауне – соседнем городке еще меньше нашего, где даже светофоров не было. Оба городка

⁹ Город-призрак в Пенсильвании менее чем в 10 км от Парка Ойл-Крик. Его резкий рост и упадок связаны с развитием нефтяной промышленности.

¹⁰ Городок в Пенсильвании. Население по данным переписи 2010 года составило 688 человек.

¹¹ Город и административный центр округа Кроуфорд, штат Пенсильвания. Первое поселение на северо-западе Пенсильвании.

входили в общину амишей¹², так что повсюду были телеги, капоры и бороды.

Молоко мы брали на молочной ферме, свежие овощи – из сада (мама сажала их сама), а источником белка становилось все, на что охотился мой папа. Всю зиму мы ели оленину, крольчатину и индейку, а весной и осенью – форель. Когда представители PETA¹³ выразили недовольство, что я ношу меха, я была потрясена. Как однажды сказал мне Карл Лагерфельд¹⁴, «дорогая, это оригинальный материал».

Мы жили в «снежном поясе»¹⁵, где окна засыпало снегом. Нам приходилось вылезать из окна, чтобы откопать двери и нормально выйти на улицу. Потом снег превращался в слякоть – коричневую мокрую мешанину из льда, грязи, снега и мучений. В ту пору мужчины обували поверх туфель и ботинок галоши – большие черные резиновые чехлы на молнии.

¹² Амиши, они же аманиты или амманиты, – религиозное движение, зародившееся как самое консервативное направление в меннонитстве и затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией.

¹³ People for the Ethical Treatment of Animals, PETA («Люди за этичное отношение к животным») – американская организация, позиционирующая свою деятельность как ведение борьбы за права животных.

¹⁴ Немецкий модельер, фотограф, коллекционер и издатель. Вплоть до своей смерти был бессменным главным модельером итальянского дома моды Fendi и французского Chanel, с которыми имел пожизненные контракты.

¹⁵ Пояса США – условное деление страны на регионы в зависимости от их характерных особенностей. Снежный пояс включает районы вокруг Великих озер, склонные к появлению снежного эффекта озера (образование кучево-дождевых облаков и выпадения из них осадков).

Очень сексуально. Когда слякоть замерзала – прямо накануне весны, она превращалась в черный лед, и не было на дороге ничего опаснее его. Именно в эту пору многие погибали в автокатастрофах, особенно мотоциклисты. Так оно обстоит и сегодня.

Я всегда считала, что у крутой девчонки должен быть старший брат. Так ты учишься общаться с парнями.

С приходом весны все неизменно вздыхали с облегчением. Мне нравится весна в Пенсильвании, я люблю тюльпаны и нарциссы, люблю природу. В детстве я обожала носиться вверх и вниз по огромному оврагу рядом с нашим домом. В глубине оврага протекал ручей – этакая разделительная черта между городками. Так что, хоть ручей и не был большим, он был важным.

Он казался огромным – мне, Майку, Пату и Келли. Подростком Келли, бывало, вылезала из окна и, перепрыгивая с крыши на крышу, сбегала на вечеринки. Моя сестра – тот еще персонаж. Она была такой с самого детства и остается по сей день. Если где-то устраивается вечеринка, Келли будет либо гостем, либо организатором. Случись Келли стать гангстером, она взяла бы прозвище «Тусовщица Келли». Она придумывает самые невероятные штуки: вполне в духе Келли заполнить на устроенное ею мероприятие возле бассейна несколько пловчих-синхронисток или устроить вечер, где все приглашенные смогут нарядиться как жители Ост-Индии и попробовать разную кухню – индийскую и не только.

Кроме того, она мечтает посмотреть мир. И носит боа из перьев, как другие носят часы.

Повезло, что у меня есть Майк. Я всегда считала, что у крутой девчонки должен быть старший брат. Так ты учишься общаться с парнями. Я выросла среди мальчишек. Им было от меня не отделаться. И до сих пор у них ничего не выходит. Ведь на их долю приходится все самое интересное! Кому нужны походы по магазинам, когда можно заниматься спортом, или гнать на машине быстрее положенной скорости, или валяться на диване, пока по телику показывают гольф?

Майк развозил газеты, и это занятие тоже казалось мне крутым настолько, что я всегда хотела отправиться с ним. Одним прекрасным утром он наконец-таки позвал меня с собой. Мы очень рано встали, и Майк вручил мне сумку для газет, сшитую им собственноручно. В ней лежал один-единственный экземпляр *The Meadville Tribune*, которая теперь называется *Tribune-Republican*. Мы позавтракали за столом в кухне. Прямо за нашим окном рос гигантский куст сирени, и, пока мы ели хлопья, в окно влетела крупная голубая сойка. Я так четко все помню – голубые перья сойки, и лиловые цветы сирени, и одну-единственную газету, которую прижимала к груди, и как сердце отчаянно билось от адреналина.

Позже, когда Майк влип в неприятности и казалось, что весь мир пребывает в раздрае, когда мы оба сбиваемся с пути, это воспоминание помогло мне двигаться дальше. Я была уверена, что Майк, человек, сшивший сумку разносчика га-

зет для пятилетней девчушки, – прекрасный человек, так что я просто держалась. Теперь, когда мы стали гораздо старше, а я понимаю, что то, кем я стала, во многом связано с моим взрослением рядом с ним – с тем, как он заботился обо мне, как подстрекал принимать своевременные решения, как помогал заводить друзей в ту пору, когда мне это плохо давалось, как выступал на моей стороне, как защищал меня, в той синей сойке я вижу все, чем был для меня Майк.

Патрик – мой младший брат. Помню, как все было, когда он родился: волнительное событие. Мы часто играли с желтым игрушечным грузовичком. Я сажала его в кузов и катала туда-сюда. Он едва умещался в крошечном пластмассовом кузове. Мы носились с такой скоростью, что на ветру его тельце холодело, он приходил в восторг и смеялся. Я не считала, что поступаю плохо. До тех пор пока... Ему было тесновато в грузовичке и пеленка у него сбилась на бок, но я все бежала и тянула ручку машинки, распевая песню, которая, как мне казалось, могла ему понравиться. Я присматривала за ним, делала все, чтобы он не скучал. Я была так рада, что у меня появился младший братик. Мне было семь.

А потом правый бортик желтого пластикового грузовичка треснул. Казалось, он ломается в замедленной съемке, разлетается на куски, и вся это невероятная громадина высотой целых шесть дюймов обрушивается на покрытый ковром пол. Я неслась как... Я хотела бежать как Джесси Оуэнс¹⁶,

¹⁶ Американский легкоатлет, специализировавшийся на спринтерском беге и

но так страшно запаниковала, что бежала скорее как Джеки Мейсон¹⁷. Я одновременно пыталась схватить брата и придумать себе алиби. Он упал на пол как пельмешек. И даже не заплакал. Я подумала, что он мертв.

И застыла от ужаса. Сердце сжималось от боли, я была уверена, что в семь лет умудрилась убить ребенка. Эта травма преследует меня по сей день. Тут в комнату вбежала мама. «Господи Иисусе! – воскликнула она. – Тебя на минуту нельзя оставить, какого черта ты тут творишь?»

Хороший вопрос. Какого черта я творила? Мне кто-нибудь собирался сказать, жив ли мой пельмешек? Или сначала наказание, а все остальное подождет? Мама взяла Патрика на руки. Он что-то пробулькал, и меня чуть не стошнило от облегчения.

Потом мой братишка начал взрослеть, стал очень высоким и очень привлекательным. Знаете, бывают такие крупные, красивые, тихие парни. Такие нравятся всем девочкам и немного пугают других парней. Последние вечно не догоняют, почему этот тихоня такой высоченный и почему его любят девушки. Патрик был умным и очень веселым – и писал буквы задом наперед.

Никто из нас долго не мог понять, что у него так называ-

прыжках в длину. На Олимпийских играх 1936 года стал четырехкратным олимпийским чемпионом.

¹⁷ Американский стендап-комик.

емая дислексия¹⁸ – такое случается с некоторыми особо умными детишками. Сейчас это называют расстройством способности к обучению. В то время все просто злились, приходили в бешенство. И ужасно обращались с моим братом. Он писал буквы задом наперед, из-за чего начались проблемы с чтением и испортились отношения с некоторыми учителями, которые не проявляли ни капли доброты. Они мучали его, заставляли стоять перед всем классом в дурацком колпаке¹⁹. Сволочи. На самом деле просто поражает, как люди могут самоутверждаться за счет ребенка. Полагаю, это просто проявление невероятной неуверенности в себе. Из-за всего пережитого мой брат стал очень застенчивым.

Сердце сжималось от боли, я была уверена, что в семь лет умудрилась убить ребенка. Эта травма преследует меня по сей день.

Я знала, что все это – из-за меня, из-за того, что он вывалился из того желтого грузовичка. Я была во всем виновата и знала это. Мой брат писал буквы задом наперед из-за меня, и ничто в этом мире не смогло бы это изменить. Мне было так стыдно. Сколько бы врачей ни говорили мне, что падение ребенка на ковер с высоты шести дюймов не могло

¹⁸ Специфическое расстройство способности к обучению, для которого характерны сложности с точным и быстрым распознаванием слов при чтении, а также с письмом под диктовку.

¹⁹ В некоторых школах ленивым ученикам в качестве наказания надевали бу-мажный колпак.

стать причиной проблемы, лучше от этого не становилось. Статистика тоже не помогала; в глубине души я знала, что должна быть какая-то причина, потому что во всем остальном он казался идеальным. Патрик – лучший из нас четверых. Самый добрый, самый щедрый, с самым нежным сердцем, у него самые лучшие отношения с родителями. Он мой лучший друг.

Когда мы были детьми, папа построил нам домик на старом дубе. По деревянным поддонам мы забирались на двухъярусные кровати. Сделаны они были из таких же труб, какие используются для армейских палаток. Мы выдвигали их, когда ложились спать, и задвигали на поддоны, когда хотели поиграть в куклы или в карты. Из задней двери спускался канат со множеством больших узлов – на них можно было опереться и, раскачавшись, оказаться на другой стороне оврага. Кстати, в другом городе – Мидвилле.

Через несколько лет в дерево попала молния. Папа в тот момент стоял под ним, так что молния попала и в него. А еще через несколько лет она настигла меня. Я гладила униформу, в то время я работала официанткой в ресторане Big Boy. Одной рукой я держала вентиль крана, а другой – утюг, заполняя его водой, которая шла прямо из колодца, и именно в этот момент молния попала в колодец. Меня швырнуло через всю кухню, и я врезалась в холодильник. Мама закричала и принялась бить меня по щекам.

Я вроде как одновременно отключилась и пришла в себя.

Она перезапустила мне сердце. Оно до сих пор немного сбоят.

Впрочем, когда молния попала в домик на дереве, мы спустили его на землю, и он стал постоянным местом игр для нас с Келли. Папа выложил нам бетонную площадку, а мама поставила на окна кадучки с цветами и повесила занавески, сделанные из старых кухонных полотенец.

Летом я всегда устраивала спектакли на подъездной дороге к дому. Тогда-то во мне и родился режиссер. Каждый гаражный бокс превращался в сцену. Садовый комплект для пикника служил зрительным залом: скамейка впереди, над ней еще один ряд, стол, а на него взгромождалась вторая скамейка – благодаря чему получалось три кривеньких ряда. Моя бедная измученная сестра зачастую становилась невольной звездой домашних спектаклей, равно как и ее друзья, и все дети, жившие по соседству.

Для пушшего драматического эффекта я использовала песни с пластинок, которые мы слушали на старом проигрывателе 1945 года выпуска. Чтобы обеспечить освещение, я задействовала рабочие фары, установленные на стропилах гаража – мы включали их, когда разбирали машины. Костюмы изготавливались из кухонных полотенец или ковриков для ванной, купальников, меховых шапок – из всего, что я могла взять, не опасаясь получить нагоняй. Все эти шапки и прочие штуки постоянно висели на многочисленных головах животных, прибитых к стенам. На нос этим покойным, покрытым

пылью чучелам вешались лампочки, и сами они за год успевали послужить подставкой для массы украшений.

Звук хлопающей двери-ширмы до сих пор кажется мне чем-то особенным. Я словно чувствую вкус лета, долгих вечеров, когда мы носились туда-сюда, пытаюсь поймать светлячков в банку с крышкой.

В моей семье у всех была работа и обязанности соответственно времени года. Одной из моих задач было перекрашивать сарай. Перекрасить его – раз плюнуть. А вот соскрести старую краску со стен старого сарая – то еще дельце.

Кроме того, мне приходилось косить лужайку. В десять лет я взобралась на самоходную косилку фирмы John Deere, запустила ее и выкосила газон размером в два акра. Мне даже понравилось. Казалось особой привилегией приводить нашу собственность в порядок, делать все, чтобы трава выглядела идеально. Подъездная дорога к дому была в форме буквы U. Длинная полоса со следами двух шин подходила к самому дому, шла вокруг него, петляла возле гаража, построенного перед сараем, и возвращалась обратно. Мама сажала по обе стороны от нее кусты пионов, и они были великолепны. Сбоку от дома росла гигантская плакучая ива, а в глубине двора – массивный старый дуб.

С приходом осени деревья в овраге меняли цвет. Зрелище было восхитительное: столько жизни, столько красок. Когда растешь на востоке, осень просто волшебна: все будто обжато огнем. Мы сгребали листья в огромные кучи на лужайке

перед домом и прыгали на них, резвились на холодном осеннем ветру. Я обожала такие моменты. Это были дни приготовления яблочного сидра, пора отправляться к ручью, который мы называли «желвак», за водой для заморозки льда для домашнего мороженого.

Еще одной из моих обычных обязанностей было относить мусор к бочкам за сараем, где его впоследствии сжигали, и сортировать, чтобы отправить то, что нельзя сжечь, на свалку. Делать все приходилось самим. Это было мое любимое занятие из всех осенних. Когда становилось холодновато, я бросала осколки стекла через огонь, и они разбивались вдребезги о стенки огромных ржавых металлических баков. Такой катарсис! Я швыряла их и орала.

Да, я была странной, но я ничего не делала специально. Со временем я поняла, что не имею ничего общего с моим окружением. Я была единственной в своем роде.

Но потом наступала зима, и мне приходилось тащить все по снегу, и я просто ненавидела все это. Приходилось идти через весь участок рано утром, чтобы успеть на автобус. Мы промокали насквозь еще до того, как добирались до остановки, и даже в школе еще полдня не могли высохнуть. Когда автобус забирал нас, было уже темно. Школа была из тех, куда дети приезжают на тракторах после того, как закончат дела по дому. Всего нас там училось восемьдесят семь человек. Ура-ура. Я чувствовала себя чудилой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.